

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТИНУУМ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ВЕЛИЧИНА

В. М. Шаклеин

Язык, культура и текст являются важной составляющей частью физического мира, представляют собой саморазвивающийся, постоянно находящийся в движении культурный континуум, суть которого заключается в накоплении и приумножении знания.

Ключевые слова: язык, культура, текст, континуум, репликатор, ген культуры, лингвокультурная среда

Мова, культура та текст постають важливою складовою частиною фізичного світу. Вони становлять культурний континуум, який постійно знаходиться у русі та самостійно розвивається.

Ключові слова: мова, культура, текст, континуум, реплікатор, ген культури, лінгвокультурне середовище

Любая наука при достижении определенного этапа развития, как известно, начинает расширять собственные тематические рамки за счет освоения пограничных или смежных дисциплин. Например, неслучайно такие области знаний, как математическая физика, философия чисел, биомеханика, давно уже стали самостоятельными науками. В свою очередь, степень их самостоятельности определяется интенсивностью и экстенсивностью проникновения в смежные научные области.

Современная лингвистика также полностью вписывается в подобную логику развития. Так, качественно новой научной дисциплиной в последние годы становится лингвокультурология, в основе которой лежат лингвистика, текстология и культурология [1]. Лингвокультурологию также невозможно представить без лингвострановедения, в котором был теоретически обоснован лингвострановедческий принцип преподавания русского языка в иностранной аудитории [2]. В результате объединения названных областей знаний в одну сложилась совокупность идей, составивших базу лингвокультурологии как автономного самостоятельного научного направления. Ее суть можно представить в ряде позиций.

Прежде всего, язык, культура и текст составляют единый континуум, отсутствующий в осязаемом физическом мире и одновременно служащий для его означивания и трансформации. Континуум здесь – базовая физическая величина, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование и дальнейшую передачу информации.

Язык, культура и текст взаимопроникают, взаимовлияют и не существуют друг без друга.

Язык, культура и текст представляют собой знаковые системы, функционирующие лишь в строго определенных правилах (например, грамматических, синтаксических, логических и т.д.).

Язык, культура и текст сохраняют, «консервируют» информацию, тем не менее требуют постоянного порождения нового: язык и культура, отражая общественные явления, все время обновляются, поэтому континуум текстов постоянно требует порождения новых текстов.

Язык и культура, не относясь непосредственно к физическому, вещественному миру, являются неотъемлемой частью человеческого общества, оказывающего прямое воздействие на этот мир. Поэтому язык, культуру и текст можно считать важной составляющей части физического мира, в котором они функционируют.

Из этого можно сделать вывод: и язык, и культура, и текст, по всей видимости, представляют собой саморазвивающийся, постоянно находящийся в движении континуум.

Обозначенные выше положения определяют основные направления развития современной лингвокультурологии. Эту мысль можно подтвердить тем, что и в прошлом, когда создавались наиболее значительные лингвистические теории, единство языка, культуры и текста глубоко осознавалось. Так, еще В. Гумбольдт посвятил свои работы поиску структурно-функциональных подобий языка и культуры [3], а Э. Сепир – взаимовлияниям внутри континуума языка и культуры [4]. Неслучайно важность данного континуума в жизни человеческого общества породила споры о первичности и вторичности языка и культуры. Наиболее распространенная позиция, высказываемая материалистами, заключается, как известно, в интерпретации идеи отражения языком материальной и духовной культуры. Так называемая идеалистическая гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа развивает идею влияния языка на культуру. Эти две позиции существуют во множестве вариаций, которые с большей или меньшей степенью достоверности определяют место языка, культуры и текста в обществе [5].

Для того, чтобы лучше прояснить суть проблемы значимости языка, культуры и текста как культурного континуума в обществе, необходимо определить его место в материальном мире в целом.

Известно, что до XIX столетия считалось доказанным, что требуется определенная, особая цивилизирующая сила или некий окультуривающий фактор, чтобы заставить материю, из которой состоят социализированные индивидуумы, вести себя отлично от другой материи, не входящей в культурный, цивилизованный континуум. В действительности это означало бы, что во Вселенной существуют два вида социумов: цивилизованные и нецивилизированные социумы, существенно отличающиеся по принципу воздействия на материю, а значит, различающиеся своими физическими свойствами. Примерно на такой градации социумов были основаны нацистские и близкие им теории прошлого [6].

В античной философии тема «культурных» и «некультурных» народов сопровождалась рассуждениями о живой и неживой материи. Так, для Аристотеля и других античных философов наиболее значимым качеством культурного социума была его способность инициировать улучшение жизни общества. Они считали, что, когда «некультурный» социум, например какое-либо варварское племя, находится в состоянии культурной деградации, он не придет в культурное движение, пока другой народ не окажет на него цивилизационное воздействие.

Подобные рассуждения сегодня могут быть восприняты как научный примитивизм. Тем не менее, античные философы верно уловили одну важную вещь: пытаюсь связать культурный континуум с основной физической концепцией, они признали, что культура – это фундаментальное явление человеческой природы.

Явление считается фундаментальным, если от его понимания зависит достаточно глубокое понимание мира [7]. Мнения относительно того, какие аспекты мира стоит понять, а следовательно, и относительно того, что является глубоким и фундаментальным, естественно, разделяются. Например, одни считают, что любовь – самое фундаментальное явление в мире. И они, по-своему, правы. Другие не менее уверенно полагают, что, когда человек выучит наизусть, «пропустит» через себя определенные священные тексты, он поймет все, что стоит понять. И они также по-своему правы. Понимание, о котором говорится в рассматриваемой работе, выражается в законах бытования рассматриваемого континуума, которое обладает большей обобщенностью, содержит больше связей между, на первый взгляд, различными истинами, объясняет больше с меньшим количеством необъяснимых допущений. Самые фундаментальные явления входят в объяснение многих других явлений, но их можно объяснить более глубоко с помощью основных законов.

Все фундаментальные явления имеют значительные физические следствия. Для Аристотеля, например, было очевидно, что теоретически культурный континуум фундаментален и имеет значительные физические следствия через следствия социальные. Но эта очевидная данность имела весьма ошибочную причину, вытекавшую из его известного представления об устройстве Вселенной, а именно: предположительно отличные физические следствия бытования культурного континуума и превосходство земной поверхности из-за культурных процессов. Последнее вытекает также из-за аристотелевского предположения о том, что Вселенная, главным образом, состоит из того, что сейчас называют биосферой Земли, с некоторыми дополнительными вкраплениями –небесными сферами и внутренней частью Земли, прикрепленными сверху и снизу.

Если биосфера Земли – для исследователя основная составляющая Космоса, то он, разумеется, будет считать, что деревья, животные, человек, общество с его культурным континуумом, по крайней мере, так же важны, как скалы и звезды, особенно, если он не очень хорошо разбирается в физике или биологии.

Современная наука пришла к почти противоположному выводу. Так, культурный континуум перестали считать фундаментальной сущностью. И в этой связи само понятие «культурология» постепенно становится своеобразным анахронизмом, когда исследователь обращается к изучению окружающей среды. Собственно окружающий мир, как известно, отражает физика и частично – химия. Биология сегодня востребована прежде всего потому, что отдельная личность и общество в целом входят в сферу ее интересов. Современная биология и не пытается определить культурный континуум (неотъемлемый элемент развитой жизни) с помощью некоторого характеристического физического свойства или вещества, которым наделена высшая форма живой материи. Мы уже ожидаем, что такое свойство существует, потому что знаем, что культурный континуум – это не основа, а всего лишь одно из следствий, результатов жизни. Тем не менее, и он же одновременно имеет дискретную знаковую природу, которая изначально направлена на собственное усложнение и воспроизводство. Так, общепризнан факт существования знаков, которые побуждают определенные культурные среды к созданию структурно-функциональных подобий этих знаков [8]: например, язык новых сфер человеческой деятельности (фондовый рынок, Интернет, шоу-бизнес и т.д.) развивается примерно так же, как и язык разговорный: появляется жаргонная (или профессиональная) лексика, фразеологизмы, происходят параллельные грамматические процессы. Подобные побуждающие знаки в американской лингвистике обычно называют репликаторами. В широком смысле репликатор – это любой объект, который побуждает определенные среды его копировать. Не все репликаторы имеют лингвистическую основу и не все они знаки. Так, самокопирующая компьютерная программа, например компьютерный вирус, это также репликатор. В общечеловеческом культурном континууме, к примеру, шутка – это еще один репликатор, так как она заставляет слушателей «пересказать» себя другим слушателям. Однако весь культурный континуум человечества основан на репликаторах-знаках. Они могут быть названы по уже устоявшейся терминологической традиции генами культуры, а лингвокультурология, по сути, изучает их происхождение, структуру, функционирование и влияние на материальный мир. В большинстве текстов ген культуры состоит из более мелких последовательных знаков, сведенных в своеобразную цепочку, которая мотивирует порождение новых текстов.

Тем не менее, что конкретно представляют из себя гены культуры, пока не совсем ясно. Возможно, это совокупность идей, знаков, интерпретированных в национальных традициях. Возможно и другое определение. Но главное здесь в том, что ни одна самовоспроизводящаяся система (а культурный континуум таковой системой является) не может существовать и функционировать без системы репликаторов. Последнее означает, что гены культуры – это не нечто мифическое. На сегодняшний день о

них уже можно говорить, хотя и не имея пока четкого определения этого понятия. Но это дело, скорее всего, лишь будущего.

Для нас представляется наиболее важным то, что ген способен функционировать как репликатор только в определенных средах, которые являются частью генной ниши, как и бесконечное множество других возможных сред, даже отличных от тех, в которых он развился.

Самый важный фактор, определяющий нишу гена культуры, обычно заключается в том, что репликация гена зависит от присутствия других генов. Здесь мы снова сталкиваемся с необходимостью существования определенной среды для успеха воспроизводства в культурном континууме.

Можно предположить по аналогии с биологическими системами, что существуют различные виды культурных генов, которым для репликации необходимо взаимодействовать друг с другом. Также можно предположить существование цепочек культурных генов (аналогов ДНК) в тексте, который может быть представлен в виде, например, конкретной былины, сказки или, наконец, анекдота, что на принятом научном языке обычно считается фактом культуры. Но из этого следует, что «культурный» применительно к частям текста – это в лучшем случае своеобразный титул, носимый «по обычаю», а не «по закону». Текст не является репликатором: он часть культурной среды, которую может занять, например, конкретная былина и конкретный образ бытования в этой среде, дающий возможность репликации генов этой былины.

Можно предположить, что конкретный текст в некотором смысле выступает в роли непосредственной культурной среды, копирующей реальные репликаторы – гены этого текста. Части же текста – это только части культурной среды, которой манипулируют гены текста в процессе своей репликации. Здесь резонен вопрос о том, является ли все-таки культурный континуум фундаментальным явлением природы. Естественно, физическое влияние культурного континуума невелико. Так, всем известно, что планета Земля – единственное место во Вселенной, где существует культура. За ее пределами – активная вселенная, переполненная разнообразными, очень мощными, но абсолютно акультурными процессами. Отсюда вытекает общепринятое в наше время мнение, согласно которому культура как следствие жизни практически не имеет значения. С этой точки зрения культурология и биология имеют тот же статус, что и, например, география. Так, знать план Тобольска важно для тех, кто там живет, но для большинства это безразлично, особенно для тех, кто туда никогда не поедет.

Противопоставим подобным рассуждениям хотя бы то, что культурный континуум – это разновидность формирования виртуальной реальности, в которой вся передача физически производит передаваемую среду. Внутренняя часть генератора виртуальной реальности в процессе передачи – это в точности реальная физическая среда, произведенная для того, чтобы иметь свойства, заложенные в программе. Это подтверждается тем, что иногда пользователи интерпретируют как другую среду то, что дает похожие ощущения. Но уже доказано, что роль виртуальной реальности очень значительна безотносительно к пользователю. Аналогом виртуальной реальности в биологии можно считать понятие среды обитания.

Таким образом, культурные процессы и передачи в виртуальной реальности, хотя, на первый взгляд, и далеки друг от друга, оказываются процессами одного ряда. И те и другие содержат физическое воплощение общих теорий об окружающей среде. В обоих случаях эти теории используются для понимания этой среды и интерактивного управления не только ее непосредственным внешним проявлением, но и детальной реакцией на общие раздражители. Все это имеет фундаментальное значение для культурного континуума. Сущность культурного континуума заключается в накоплении и приумножении знания, причем не обязательно какого-либо культурного гена или любого другого культурного объекта (например, текста). Поэтому, строго говоря, к нише адаптируется или не адаптируется какая-то часть знания, а не культурный объект. Если же адаптация происходит, то у этого знания появляется свойство: однажды реализовавшись в этой нише, знание будет стремиться там остаться. В случае с репликатором его реализующий культурный материал будет непрерывно изменяться: новая копия будет своего рода «собираться» из нерепликатных составляющих при каждой репликации.

Следовательно, прежняя идея о том, что культурный континуум обладает особыми физическими свойствами, почти равными свойствам биологических систем, по всей вероятности, имеет под собой основание. Можно предположить, что культурный континуум – это все-таки фундаментальная физическая величина. На фоне данного вывода само явление жизни выглядит, как это ни парадоксально, менее фундаментально, хотя она как процесс и лежит в основе культурного континуума, тем не менее он представляет из себя более сложное явление, будучи неотъемлемой частью продукта человеческого разума, который, в свою очередь, по учению В.И. Вернадского, тесно связан с биосферой. Поскольку в основе жизни лежит физическое явление, а устройство культурного континуума, с точки зрения структуры и функционирования, подобно жизни, то жизнь можно представить в виде своеобразного переходного состояния от физической материи к культурному континууму. В определенном смысле можно говорить о материальности культурного континуума, но не как некоего свойства, а как фундаментального состояния материи.

Литература:

1. Олшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. – М., 2000. – С.32.
2. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 1990.

3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. – М., 1989.
4. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Пер. с англ. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
5. См. об этом: O’Hear A. Introduction to the Philosophy of Science. – Oxford University Press, 1991. – P. 92-96.
6. Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, 1971. – P.12-14.
7. Weinberg St. Dreams of a Final Theory. – Vintage, 1993. – P. 6-7.
8. Sciama D. The Unity of the Universe. Faber and Faber, 1967. – P. 33.